

А. И. Мантел

Зилант

Сборник искусства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Мантел**
Зилант: Сборник искусства / А. И. Мантел – М.: Книга по Требованию, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-517-97805-9

ISBN 978-5-517-97805-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Посвящаю
Графинѣ Софіи Владимировнѣ Паниной.

А. Мантель.

„С. Ю. Судейкинъ“.

С. Ю. Судейкинъ.

Посвящая страницы художнику, ушедшему въ міръ прошлаго, миѣ хочется остановиться на психологіи „ретроспективныхъ мечтаній“, какъ охарактеризовалъ это направленіе С. К. Маковскій.

Но тутъ нужно оговориться и выяснить точнѣе основы этого теченія, которое стало доминирующимъ не только въ живописи, но и въ поэзи, беллетристикѣ. Мало того: проникло на улицу, сдѣлалось модой, породило особое мастерство—поддѣлокъ и т. д.

Я разобью, такъ называемый, ретроспективизмъ на два элемента: на элементъ идейный и лирическій.

Начну съ послѣдняго.

Тоска о прошломъ имѣетъ глубокое основаніе, которое вытекаетъ изъ трагизма славянской, въ частности, русской души, а потому, я думаю, теченіе это глубоко національно.

Французъ живетъ настоящимъ, англичанинъ будущимъ, а русскій прошлымъ.

Еще Чеховъ сказалъ: „русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не жить“...

Вспоминать что-то, чего быть можетъ и не было, вздыхать о томъ, что нолно было ужаса—вотъ характерная черта русскаго человѣка.

Впрочемъ и сама русская жизнь, тоскливая, забитая, невѣжественная, годъ отъ году стирающая остатки былой яркости, какъ непріятель уничтожающая памятники этой былой яркости, безъ застрашяго дня—несвольно толкаетъ къ тоскѣ о прошломъ.

Оно дорого потому, что *не стѣшно*. Оно ушло, умерло навсегда, никогда не повторится.

Оно овѣяно дымкой поэзіи.

Оно кажется уже сказкой.

Въ Россіи еще недавно кончилась эпоха сказокъ, наивныхъ, подчасъ дѣтски трогательныхъ, полныхъ трагизма, лиризма, какихъ-то искусственно выращенныхъ героевъ—разныхъ Рудиныхъ, Обломовыхъ, „Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда“, безконечной галлерей типовъ Щедрина.

Но главное, главное жизнь, какъ въ сказкѣ, какъ во снѣ.

Дворянское гнѣздо, домъ съ колоннами, построенный Растрелли или Кваренги, пруды съ перекидными мостами, бесѣдки, храмы любви, оранжереи съ диковинными пальмами и плодами, веселіе, музыка, самодурство, красивый размахъ. Тысячи холоповъ (которыхъ, *какъ въ сказкѣ*, можно было проиграть въ одну ночь въ карты) добываютъ деньги господамъ и тѣ и другіе вѣрятъ въ правду и неизмѣнность такого порядка.

Развѣ это не сказка, не сонъ?

Все, начиная отъ дворца среди унылыхъ степей и курныхъ избъ, англизированнаго барина и коряваго Никиты, до непроглядной тьмы и пресыщенія науками—не говорятъ вамъ о сказкѣ?

Одинъ все могъ и у него все было, другой ничего не могъ и у него ничего не было.

Надо сознаться, что съ паденіемъ крѣпостного права типы и дворянъ и крестьянъ какъ-то измельчали и во всякомъ случаѣ утратили сказочность.

Первые нивелировались, вторые изъ „Касьяновъ съ Красивой Мечи“, Обломовскихъ „Захаровъ“ превратились въ тѣхъ, что сожгли поэтичную „Зубриловку“, гдѣ ловилъ шорохи прошлаго Борисовъ-Мусатовъ, имѣніе Куракиныхъ, разгромили дворецъ гр. Завадовскаго и еще многое, многое.

Возвращаюсь къ дворянамъ, о которыхъ только и приходится говорить, вспоминая недавнее культурное прошлое.

Они были самымъ культурнымъ сословіемъ и самымъ обеспеченнымъ.

Они могли выписывать иностранныхъ зодчихъ, ваятелей, живописцевъ, они пытались даже вводить эстетику въ массы, устраивая при усадьбахъ рисовальныя, столярныя, гончарныя и иныя школы.

Послѣднее дало мало существенныхъ плодовъ (если не считать пресловутую мѣбель какого-то своеобразнаго стиля, который я назову „помѣндичьимъ емпіге“) и по недостаточности исторической культуры у этого класса и благодаря самодурству.

Вѣдь Рудиныхъ хватало только на то, что-бы помечтать, въ крайнемъ случаѣ: начать, но, Боже упаси, дѣлать то, что требовало труда и энергій.

Говорить серьезно о наслѣдіи дворянъ крѣпостнаго права—не приходится, ибо подлинно культурнымъ было высшее дворянство, среднее-же барахталось въ тинѣ полу-нравственности, полу-курьезовъ и т. д.

Версаль далъ тонъ нашему Царскому селу, Царское село копировалось на всѣ лады вельможами времени Екатерины II-й, Александра I-го, шло ниже, ниже и кончилось смѣхотворной пристройкой какимъ нибудь Маниловымъ къ своему дому—ящику—пары деревянныхъ колоннъ.

И мы не хуже другихъ!

То-же и съ картинными и фамильными галереями: Царское село наполнялось шедеврами, вельможи скупали въ Италіи Рембрандтовъ и Веласкецовъ, поручали писать портреты свои Левницкимъ, Боровиковскимъ, Кипренскимъ, дворяне средней руки поролы Прошку и приказывали списывать себя „до полной сходности, какъ-бы живой чтобъ былъ“.

Умерли Завадовскіе и разгромлены ихъ дворцы и разрушены ихъ могилы, Маниловы исчезли безслѣдно, уплыли обратно Рембрандты, Веласкецы и, увы, даже родные шедевры.

Умерла эпоха.

Все-же было что-то, что старалось жить поверхъ жизни, была хоть небольшая потребность въ искусствѣ, было стремленіе къ красотѣ и потребности въ ней.

Все это умерло.

Улица захватила все: смѣшала емпіге съ вѣнской мебелью, выбросила портреты работы Левницкаго на чердаки и украсила жилище работами Судковскихъ, Маковскихъ, скверными олеографіями, гобелены замѣнила безвкусными

шпалерами, хорошія манеры — вульгарностью, широкій размахъ — трезвостью и разсудительностью.

Нѣтъ страшнѣе некультурной улицы!

Когда нибудь, когда искусство будетъ не привилегіей какого нибудь одного класса, а всенароднымъ, какимъ когда-то оно было,—уйдутъ изъ жизни будни, а пока будемъ перебирать пожелтѣвшія страницы прошлаго и грустить надъ ними и потому, что говорятъ онѣ объ умершемъ и потому, что написанное на нихъ оригинальнѣе, глубже, чище.

Будемъ любить его, какъ безвозвратно ушедшее.

Есть и еще причина, но она уже относится скорѣе къ вопросамъ социальнымъ.

Развитіе русскаго общества идетъ скачками (недостатокъ культурности): бѣшеное стремленіе впередъ, отрещиваніе отъ всего, что хоть немного напоминало старое, тенденціозное, клеветническое отношеніе къ нему и вдругъ рѣзкій поворотъ къ вчерашнему дню, преувеличенная любовь и славянская жалость къ этому вчерашнему дню.

Рудинство сказалось и тутъ: помечтали, ушиблись и преклонились предъ тѣмъ, что еще вчера было ненавистно.

„Я сжегъ чему поклонился.

Поклонился тому, что сжигалъ“!..

Развѣ это не пахнетъ чѣмъ-то роднымъ, роднымъ?

А помните, что сказалъ Некрасовъ про Рудина, котораго я беру какъ типъ суммарный?

„Что ему книга послѣдняя скажетъ,

То ему на сердце сверху и ляжетъ“.

А книга послѣ Маркса, Энгельса и Каутскаго, послѣ „Хмурыхъ людей“ Чехова—сказала, что беззаботно, какъ въ сказкѣ, уютно, красиво жили вчерашніе враги и пошла мода.

Я не раскаиваюсь, что употребилъ это подлое слово, ибо многое, если не большее, увы, было только модой.

С. Судейкинъ.

„Деревня“.

Журналы, еще вчера описывавшіе жизнь протетарія—наполнились описаніями жизни обитателей былыхъ дворянскихъ гнѣздъ.

Пошла вакханалія.

Въ магазинахъ появились тысячи рамокъ краснаго дерева (поддѣлки), снѣжно изготовлялась мебель, бронза, портреты.

У старьевщиковъ и антикваровъ перерывалось все и курьезно покупалось все, что носило слѣды времени. Появились художники, поэты, писатели - доводившіе подражательность до тонкости (внѣшней), не вдумываясь (такъ-же какъ и вышеупомянутые покупатели антикваровъ) точно-ли цѣнно то, чему они подражаютъ.

Думать было некогда.

Лиризмъ охватилъ всѣхъ.

Я постепенно подхожу къ тому, о комъ я собрался писать—къ Судейкину и той группѣ, изъ которой онъ какъ бы вышелъ. Но позволю себѣ еще разъ уклониться и упомянуть объ идейномъ ретроспективизмѣ.

Наряду съ модой шло другое теченіе: искали въ прошломъ затерянныхъ путей, вѣхъ, учились, изучали, воскрешали. Это показывало, что идетъ уже не случайное, а сознательное исканіе путей.

Рерихъ ушелъ въ изученіе эпохи столь отдаленной, гдѣ никто не предполагалъ высокой культуры, Борисовъ-Мусатовъ проникся, изучилъ, полюбилъ и далъ намъ сны дворянской Россіи начала XVIII вѣка, Александръ Н. Бенуа взялъ маленькій клочекъ земного шара—Версаль въ пышный расцвѣтъ его и далъ намъ рядъ цѣнныхъ картинъ, Е. Е. Лансере изучилъ и понялъ средневѣковыхъ миниатюристовъ и желѣзный жестъ Петровскаго стиля.

Всѣ эти художники (я упомянулъ лишь о немногихъ, потому, что это сильно раздвинуло бы рамки статьи и отвлекло меня въ сторону) создали, вѣрнѣе, возродили наиболѣе прекрасное и подлинно цѣнное прошлаго (стиль).

Было другое ядро художниковъ, преимущественно Москвитей, которые группировались подъ знаменами „Голубой Розы“ и „Золотого Руна“.

Ядро это носило въ большинствѣ диллетантскій характеръ, хотя, несомнѣнно, люди были тамъ такъ или иначе талантливые.

Бросались очертя голову. Подражали до грубой имитацин.

Суть упускалась—значеніе имѣла внѣшняя мимолетно схваченная форма (стилизация).

Все недоучившееся, со школьной скамьи, безъ знанія рисунка, подчасъ безъ чутья кидалось на моду.

И дѣйствительно: трудно было уловить *самою* художника въ морѣ поддѣлокъ, перепѣвовъ.

Старинный лубокъ (Боже, до чего его трепали!), рисунокъ на фарфоровой чашкѣ, табакеркѣ воспроизводилось почти дословно.

Одно несомнѣнное значеніе этой группы художниковъ то, что много они достигли въ исканіяхъ красочныхъ.

Къ кружку этому принадлежали:

Н. Н. Сапуновъ—позднѣ нашедшій *свой* путь и оставившій крупный слѣдъ въ искусствѣ, С. Ю. Судейкинъ, Павелъ Кузнецовъ, Уткинъ, Миллюти и др.

Теченіе, захватившее молодыхъ новаторовъ, привело ихъ къ своего рода трагизму.

Напримѣръ, Судейкинъ, по сообщенію С. К. Маковского, уничтожилъ, подъ вліяніемъ приступовъ саморазочарованія, цѣлый рядъ своихъ раннихъ картинъ.

Людей талантливыхъ, чуткихъ не могло удовлетворять однобокое искусство (краска безъ формы), упрятываніе своего „я“ въ силу соображеній отнюдь не серьезныхъ.

Въ концѣ концовъ и „я“ ихъ возрпало и путь привелъ ихъ въ тупикъ.

И не удивительно, что пройдя извѣстный кругъ, послѣ десятилѣтняго выступленія на выставкахъ, художники начинаютъ учиться съизнова.

Наиболѣе яркими представителями вышеупомянутаго движенія я считаю недавно погибшаго Н. Н. Сапунова, Крымова и С. Ю. Судейкина.

О послѣднемъ я и скажу нѣсколько словъ.

Сергѣй Юльевичъ Судейкинъ еще очень молодъ: ему 30 лѣтъ. Художественное образованіе онъ получилъ въ Московской Школѣ Живописи.